

а если окажемся во власти врагов на берегу, то они нас разделят и продадут бедуинам.

Один из моих келарей, который родился в Дулеване, сказал: «Мессир, я не могу согласиться с этим решением».

Я спросил его, на что он был бы согласен, и он ответил: «Я бы посоветовал всем принять смерть, потому что таким образом все мы окажемся в раю». Но никто из нас не последовал его совету.

Теперь, поняв, что нас должны захватить, я взял свою шкатулку и со всеми драгоценностями бросил ее в воду. И тут один из моих спутников сказал: «Мессир, если вы не позволите нам сказать, что вы кузен короля, они убьют и вас, и всех нас вместе с вами». Я сказал ему, что ничего не имею против – пусть он говорит все, что хочет.

Едва только передняя галера ткнулась в борт нашего судна, я услышал, как человек на ее палубе приказал бросить якорь рядом с нами. В этот момент Бог послал мне сарацина из земель императора Германии. В одних лишь штанах грубой ткани он вплавь добрался до нас и вскарабкался на борт. Обхватив меня за талию, он сказал мне: «Господин мой, если вы не будете действовать быстро и решительно, вы погибнете. Вот что вы должны сделать – перепрыгнуть на нос того судна, что нависает над вашей галерой. Вас никто не заметит, потому что все думают только о добыче, которая им достанется на вашем корабле». Он подтянул мне канат, свисающий с галеры, и с Божьей помощью я перепрыгнул на нависающую палубу. Тем не менее я почти не держался на ногах, и, если бы сарацин не прыгнул вслед за мной и не подхватил меня, я бы свалился в воду.

Обхватив меня за плечи, сарацин провел меня по галере, где толпилось почти три сотни вражеских воинов. Меня швырнули на палубу, и все столпились вокруг, готовые перерезать мне горло, потому что тот, кому удалось бы это сделать, обрел бы славу. Но сарацин, по-прежнему держа меня в руках, закричал: «Он брат короля!» Но меня все равно еще дважды протащили по палубе и заставили встать на колени. Я почувствовал лезвие ножа у горла. Но и в минуту этого страшного испытания Бог спас меня с помощью того самого сарацина, который провел меня в одну из надстроек на палубе, где собрались все предводители сарацин.

Как только я предстал перед ними, с меня стянули кольчугу. Затем, скорее всего сжалившись надо мной, они кинули мне мою же пурпурную накидку с подкладкой из горноста, которую мне вручила дорогая матушка. Один из сарацин дал мне белый кожаный пояс. Я затянул его на талии, чтобы накидка служила мне одеждой. Другой дал капюшон, который я накинул на голову. Из-за страха, который я испытывал, и из-за болезни меня стало неудержимо сотрясать дрожью. Я попросил пить, и мне дали кувшин с водой. Но стоило мне поднести его ко рту, как вода полилась из ноздрей.

Когда я понял, что случилось, то обратился к моим людям и сказал, что умираю, потому что у меня опухоль в горле. Они спросили, откуда я это знаю, и мне пришлось показать им. Как только они увидели, что у меня из горла и из носа льется вода, они заплакали. Сарацины, увидев моих людей в слезах, спросили у человека, который выручил нас, почему эти люди плачут. Он ответил, что, насколько он понимает, у меня в горле опухоль, которая не оставляет надежды на выздоровление. Затем один из сарацин приказал нашему спасителю поудобнее устроить нас и дать мне какое-то питье, которое через два дня вылечит меня. Должен сказать, все это он сделал.

Рауль де Вану, один из моих спутников, получил резаную рану ноги в великой битве в Прощеную среду и не мог стоять. Должен рассказать вам, что старый сарацин на той галере носил его на спине в туалет.

Адмирал сарацинского флота послал за мной и спросил, в самом ли деле я брат короля. Я ответил, что нет, и рассказал, как и почему меня приняли за него. Адмирал сказал, что я действовал мудро, потому что в противном случае всех нас обрекли бы на смерть. Он спросил, не нахожусь ли я, случайно, в родственных отношениях с императором Фридрихом Германским. Я ответил, у меня есть основания считать, что моя матушка была его первой кузиной, на что адмирал заметил, что из-за этого я ему нравлюсь еще больше.

Пока мы обедали, он позвал какого-то парижанина, который оказался тут раньше нас. Когда тот явился, он сказал мне: «Мессир, что вы делаете?» – «Господи, а что я могу делать?» – удивился я. «Ради Бога, вы же в пятницу едите мясо». Едва только услышав это, я отставил свое блюдо. Адмирал спросил моего сарацина, почему я это сделал, и тот объяснил ему, в чем дело. Адмирал ответил, что Бог не сочтет это нарушением Его законов, видя, что я не осознавал неправильность своих действий.